

Черное и белое: два образа бунта

Вел. Москва. - 1999 - 1 июля - с. 12

Образ-символ

Анджей Вайда для многих из наших сограждан стал образом-символом. Символом одинокого и стойкого противостояния подавляющему личностному тоталитаризму. Его фильмы принадлежали к тому направлению в польском кино, которое один критик называл «кино морального беспокойства». Большие режиссеры — К. Занусси, К. Кесьлевский, сам Вайда — все ругались на это тяжеловесное определение и все признавали его точность.

Отрицание тоталитаризма у Вайды происходило на самом высоком моральном уровне — он явный сторонник толстовского «непротивления злу насилием». Он стал почти запрещенным у нас после легендарного «Человека из мрамора» — о рабочем, выдвинутом работниками режима в символы успеха соцстроительства и осознавшем всю лживость своей роли. Но уже и тогда Вайде нельзя было предъявить обвинений в «разнузданном антисоветизме». Вайда вполне по-солженицынски призывал своими фильмами «жить не по лжи», Вайда против лжи и лицемерия — человека ли, системы ли. Даже когда он присоединился, вернее начал сопереживать «Солидарности», даже когда снял в своем «Человеке из железа» ее лидера Леха Валенсу (тогда еще далекого от своего будущего президентства) в роли его самого — он был далек от пропагандистских стремлений. Он всего-навсего стремился все ближе и ближе к правде жизни — вплоть до вот такого наивного документализма. Тем же одержимы и его герои — правдой. Всегда. Один свой фильм Вайда назвал «Без наркоза». Его герой понял: чтобы не быть обманутым, нужно расстаться в первую очередь с самообманом. Это похоже на происходящее с героем «Дирижера». Пожилой дирижер-классик, блестящий европеец (в исполнении великого английского актера сэра Джона Гилгуда) приехал в провинциальный польский городок за тем же — за правдой. Правдой искусства. Он собирался сыграть вместе с местным оркестром свой последний концерт — концерт его ухода из музыки. И правдой жизни — своей собственной, ведь он на грани жизни и смерти... Он пытается прояснить нечто очень важное из своего прошлого. О той женщине, которую некогда любил... О молодой женщине, которая, возможно, его дочь... Однако оказывается, что он под наркозом самообмана. А власти не считают избранный им оркестр достойным играть с великим дирижером. И распоряжаются его решением по-своему...

Это не самый известный вайдовский фильм с его любимыми актерами-поляками Кристиной Яндой и Анджеем Северином, снимавшимися в его «Человеке из мрамора» и «Человеке из

Хорошо, что два этих серьезных киноавтора встретились в рамках телепрограммы в один день. Их кое-что объединяет — сдержанного, холодноватого моралиста Анджея Вайду и Спайка Ли, заводного афроамериканца с джазом и спиритуалом в крови. Своими фильмами они продемонстрировали два образа борьбы с неверным, с их точки зрения, мироустройством. Борьбы с помощью кино.

Анджей Вайда — наш диссидент

железа». Но это самый яркий вайдовский фильм — в нем все неярко, ненавязчиво и все только о выборе — моральном, который происходит в самой глубине человека. И потому не зависит от политической системы. Только от внутренних сил человека. Это очень европейский фильм — с глубоко европейской безыллюзорностью и какой-то сартровской убежденностью, что жизнь жестока и лишь внутри себя человек может найти гармонию.

Образ жизни

Спайк Ли — совсем другое дело. Он — боевое дитя Бруклина. Плод самого мультинационального, самого нью-йоркского из нью-йоркских районов. Это о нем литклассик Том Вулф некогда написал рассказ под говорящим названием «Только мертвые знают Бруклин»... Бруклинец Ли впитал с молоком матери и его ритм — поэтому рэп у него в крови, и нравы — по-

этому его черные, почти всегда черные герои обращаются друг к другу со словами «брат» и «старик». Бруклинец Ли закончил знаменитую киношколу при нью-йоркском университете — поэтому как бы прочно ни был он впаян в Голливуд, в его фильмах всегда есть элемент неконформизма. Года три назад ОРТ показывало его самый знаменитый фильм «Лихорадку джунглей» — о любви черного архитектора и его сослуживицы, италоамериканки. Из фильма выходило, что Америка все еще нетерпима к смешанным романам... «Круклин» — картина о Бруклине и неконформистская по сути. Впервые, это смелый эксперимент по братанию исконно американских жанров — комедии и гангстерского боевика. Во-вторых, потому что ее герои, члены одной семьи — 10-летняя девочка и четверо ее братьев-оболтусов, — черные и живут жизнью Америки черных районов, где далеко не все из «ста-

риков» доживают до двадцати и где часто три поколения семей не знают, что такое работа. В-третьих, потому что повествование в картине ведется от лица ребенка, той самой младшей сестрички, чей глаз «не замылен».

Она видит все как есть и ничего не скрывает. Кроме того, уже в этой картине Спайк Ли провозгласил свою позицию — он, как его героиня, не старается «обелить» черных. Показать их лучше, чем они есть, и сделать более приемлемыми для их белых сограждан.

«Круклин» — своего рода манифест самодостаточности черного американского меньшинства. Как раз то, что оформилось в идеологию политкорректности и мультикультурализма: когда была отменена культура «самых старых белых мужчин», всяких там шекспиров и мольеров, и в университетах более не изучают фундаментальную классику, а только классику феминизма, гей-движения или национальных меньшинств.

Своими фильмами, так по сути близкими к рэпу (ритмической американской поэзии) по монтажу и манере повествования, Спайк Ли планомерно рыл могилу «старым белым мужчинам». Ведь он — автор прямых политических киноманифестов: фильмов «Мальком Х» — о легендарном «черном активисте» 30-х и «Садись в автобус» — о политическом марш-броске «цветных» активистов к Вашингтону.

Картины Ли совершенно не случайно близки к рэпу и прочим формам черной культуры — они вообще претендуют на корневое родство с черным фольклором. И это им удается, потому что Ли пытается не столько самовыразиться, сколько — очень по-нашенски, по-народовольчески — выразить мироощущение народа. Тут он не избежал обвинений в антисемитизме (вообще-то распространенном среди черного населения Штатов — ведь еврей-продюсеры, еврей-редакторы считаются в Штатах самыми ревностными хранителями ценностей «белой демократии»). Ли даже как-то пришлось оправдываться через прессу. Интервью так и называлось — «Я не антисемит!».

Сам Ли говорит, что «борьба у черного в подкорке — иначе никто бы из нас не выжил». Но борьба Ли — борьба веселая, карнавальная. «Братки», марширующие в Вашингтон из «Садись в автобус», прерывают рэп лишь для пива, разговаривают друг с другом они тоже в ритме рэпа. Семейка из «Круклина» очень смешная, а рассказ о ней уморительный. Спайк Ли боевит, но не опасен. Его герою никогда не приходилось бороться с собой — только с обстоятельствами. Он жизнелюбив, его герой. И не склонен к самоедству. Ну, конечно, он же американец. И кино его народное по-американски.

«Дирижер», Польша, 1979,
реж. А. Вайда
РТР, воскресенье, 0.05
«Круклин», США, 1994,
реж. С. Ли
СТС, воскресенье, 21.00